

Критика и библиография

НОВОЕ В ПСИХОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА*

Мы часто задумываемся над вопросом: как поднять престиж психологической науки в обществе? Одним из возможных путей достижения этой цели является появление книг, в которых глубокие обобщения психологических исследований были бы облечены в прозрачно четкую форму, а содержание понятно каждому человеку. Массовый читатель узнает из таких книг – *каким образом и в чем* может помочь психологическая наука отдельному человеку и обществу в целом, если использовать результаты многочисленных психологических исследований. Одним из примеров таких изданий является рецензируемая книга.

Как сказано в аннотации, она адресована широкому кругу читателей, специалистов, размышляющих об итогах и перспективах своего профессионального развития: психологам; социальным работникам; руководителям учреждений; преподавателям различных учебных заведений, а также научным работникам, исследующим проблемы профессионализма.

Главное действующее лицо книги – человек труда. Автор стремится показать, как человек в процессе труда превращается в работника, деятеля, затем – участника совместного труда, его объекта и субъекта, профессионала, а в дальнейшем – в компетентного деятеля, творца, изобретателя, новатора. Одновременно выявляется, при каких способах мобилизации самого человека эти качества могут быть достигнуты. Основная задача автора – помочь человеку труда осознанно, целенаправленно, без перенапряжения сил, с чувством удовлетворения пройти этапы достижения профессионализма – от первых проб и шагов профессионального самоопределения по пути освоения мастерства к творчеству и расцвету личности в профессии (акме), миновав тернии профессиональных кризисов и деформаций, тупики потери мотивации; отдаляя профессиональное старение, достойно завершить свой трудовой путь и остаться в памяти коллег.

В книге немало достоинств: стремление автора разработать и представить собственную научную концепцию, которая безусловно включает и гипотетические, и дискуссионные аспекты; возможно более полно осветить результаты многочисленных исследований в области психологии труда, а также выбор способа изложения и своей концепции, выводов других авторов в максимально понятной для широкого читателя форме.

Концепция автора воплощается в следующих положениях. Профессионализм – это интегральная характеристика деятельности, общения и личности человека труда. Профессионализм может быть описан через соотношение состояния мотивационной сферы человека труда (профессиональные ценности, профессиональные притязания и мотивы, профессиональное целеполагание и т.д.) и операциональной сферы (профессиональное самосознание, профессиональные способности, обучаемость, приемы и технологии как составляющие профессионального мастерства и творчества и др.). Мотивационная и операциональная сферы профессионализма являются предметом особого анализа автора в соответствующих главах.

Профессионализм соотносится с различными аспектами зрелости работника, в связи с чем автор различает у человека труда несколько видов профессиональной компетентности: специальную или деятельностьную (владение на высоком уровне профессиональной деятель-

*Рец. на кн.: А.К. Маркова. Психология профессионализма. Международный гуманитарный фонд. "Знание". М., 1996.

Примечание. Поскольку книга может быть использована и как справочное, и как учебное пособие, желающие приобрести его могут обратиться по адресу: Москва, 123459, а/я 43 (указать свой телефон).

ностью), далее, социальную (владение способами совместной профессиональной деятельности и сотрудничества, принятыми в сообществе приемами профессионального общения), личностную (владение способами самовыражения и саморазвития, средствами противостояния профессиональным деформациям личности) и индивидуальную (владение приемами самореализации и саморазвития индивидуальности в рамках профессии, способность к творческому проявлению своей индивидуальности и т.д.). Наличие всех аспектов компетентности означает достижение человеком зрелости в своей профессиональной деятельности, общении и сотрудничестве, характеризуют становление личности и индивидуальности профессионала. У одного и того же человека эти виды компетентности могут не быть представлены полностью, что необходимо учитывать в его профессиональной характеристике.

Известно, что эталоны, нормативы профессионализма выражаются в профессиограмме как обобщенной модели специалиста данного профиля. Автор книги считает, что единицами анализа профессии являются профессиональные задачи, что означает радикально иной подход к построению профессиограмм и определению именно тех способов деятельности, общения и качеств личности, которые адекватны решению задач. Перспективно раскрыта стратегия использования принципа задачи при решении ряда практических вопросов – освоения профессии, повышения квалификации, аттестации кадров и т.д.

Уровни профессионализма, его этапы и ступени существенным образом связаны следующим обстоятельством: они предъявляют неодинаковые требования к профессионально важным качествам личности (например, на ступени "самодиагностики" очевидна необходимость самосознания, оптимизма, позитивной "я" – концепции; на ступени мастерства – профессионального целеполагания и мышления, интуиции и импровизации, владения рациональными приемами и технологиями).

Теоретически новым является раздел о профессиональных деформациях – нарушениях, "поломках", отставаниях в ходе профессионального развития и жизни человека, что очень существенно для всех форм профессиональной профилактики.

Относительно новым для читателя является малоизученный вопрос о профессиональном самосохранении; о том, как, решая сложные профессиональные задачи, сохранить силы на длительный марафон, как научиться корректировать все усложняющиеся требования, исходящие от общества и реализовать их с учетом своих возможностей и задач собственного относительно автономного профессионального самодвижения и саморазвития.

В целом Маркова характеризует профессионала как человека, который: овладевает нормами профессии в мотивационной и операциональной сферах, результативно и успешно, с высокой производительностью осуществляет свою трудовую деятельность; следуя высоким стандартам, достигая мастерства, обладает развитым профессиональным целеполаганием, самостоятельно строит сценарий своей профессиональной жизни; помехоустойчив к внешним препятствиям, стремится к развитию своей личности и индивидуальности средствами профессии, обогащает опыт профессии оригинальным творческим вкладом, способствует повышению социального престижа данной профессии в обществе, интересу к ней, в состоянии состязаться с профессионалами в своей области, т.е. быть конкурентоспособным. Разработав эту новую обобщенную модель профессионала, автор обращает внимание на то, что в разных профессиях у одного и того же человека на разных этапах его развития профессионализм может быть представлен разным комплексом вышеназванных качеств.

Авторский подход является одним из ответвлений продуктивного научного направления, реализуемого А.А. Деркачем и его коллективом в рамках развития новой психологической дисциплины – акмеологии. (Вместе с тем, автор не раз подчеркивает, что ее подход никак не претендует на исчерпывающее освещение проблемы, а является лишь шагом на пути ее решения и одним из возможных подходов.) Специфика акмеологического принципа просматривается в том, что автор идет не только от собственной концепции, даже с учетом, что она вбирает в постановку проблемы результаты множества исследований в области профессиональной деятельности и труда (А.А. Деркач, Е.А. Климов, Ю.В. Котелова, К.К. Платонов, В.А. Пономаренко, В.Д. Щадриков и др.), но и от неизбежных вопросов, возникающих в практике диагностики и совершенствования профессионалистов.

Особое место в книге занимает проблема эвристических возможностей новой дисциплины – акмеологии (А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина и их сотрудники). Бесспорно, что такая междисциплинарная область знания о расцвете человека, личности и профессионала является остро современной в обновляющемся обществе России. В книге намечены подходы к соотношению акмеологии и психологии труда, привлекается внимание научной общественности к практически важным наработкам в рамках этой молодой науки.

В книге есть дискуссионные или нуждающиеся в дальнейшем анализе и выяснении положения. Так, остается открытым вопрос, что же является подлинным источником развития профессионала? Автор близко подходит к ответу на него, называя условиями и внешними причинами социальную и профессиональную среду, а также особо подчеркивая роль саморазвития человека в труде, его внутреннюю, относительно автономную целевую самореализацию. Но тогда спрашивается: каково соотношение внешней (причинной) и внутренней (целевой) интенций в развитии человека как профессионала, и как меняется соотношение данных источников развития в процессе профессионализации?

На наш взгляд, книга А.К. Марковой, написанная профессионалом высокого уровня, займет достойное место в ряду современных, актуальных, теоретически оригинальных психологических трудов.

К.А. Абульханова,
член-корр. РАО, профессор

ВОСТРЕБОВАННАЯ ПСИХОЛОГИЯ*

На фоне определенного спада в накоплении знаний и публикаций в области инженерно-психологических исследований появление книги Ю.Я. Голикова, А.Н. Костина "Психология автоматизации управления техникой" — заметное событие.

Проблема автоматизации человекомашинных систем всегда была остро дискуссионна, так как касалась новых принципов, нового содержания, оценки новых направлений в развитии технического прогресса. Удивительно, но факт, автоматизация управляющих действий человека затрагивала прежде всего мировоззренческую сторону взаимодействия человека с техническими устройствами. Речь шла о месте, роли, функциях человека в этих системах, правовой обеспеченности безопасности его труда. Автоматизация всегда являлась знаком прогресса в технике, признаком более высокой технологичности, средством, облегчающим труд человека, создающим возможность достичь более высокого результата в условиях, где человеческие возможности ограничены.

Вот с этого и начинается востребованность психологических знаний, т.е. человеку не безразлично не только *кто*, но и *что* подстраховывает его в условиях, превышающих психофизиологические возможности. Опасность сбоя автоматизированных систем в атомной энергетике, нефтегазовой и химической промышленности, на транспорте, в управлении воздушным движением по своим последствиям на порядок выше, чем ошибки в *руководной* деятельности человека-оператора. В этой связи и появилась новая научная проблема синтеза интеллектуальных процессов *конструирования* автоматизированных систем с проектированием *психологического содержания* деятельности оператора, проблема выбора компромисса, минимизации противоречий, обоснования принципов в процессе распределения функций между машиной и человеком.

Аварийность на транспорте, катастрофические последствия аварии на Чернобыльской АЭС, обширные экологические загрязнения в результате аварий на нефтепроводах, столкновение морских и воздушных судов с огромными человеческими жертвами подтвердили необходимость усиления социально-антропологического влияния инженерных психологов на выбор и построение теории развития техники.

В свете сказанного рецензируемая книга является своевременной реакцией ученых на запросы теории и практики технократической цивилизации. Монография представляет собой емкое, компактное, хорошо организованное изложение истории, технической политики, содержания психологических концепций в процессе осмысления многообразных подходов к автоматизации управления техникой. Материал содержателен, убедителен, а, главное, остро критично равнозначен как по отношению к конструкторской, так и психологической мысли.

Особо следует выделить два момента:

(а) наличие изящного эксперимента, подтверждающего полезность равнозначного под-

*Рец. на книгу: Ю.Я. Голиков, А.Н. Костин. Психология автоматизации управления техникой. М., 1996 г. 160 с.

хода к распределению функций между человеком и автоматикой; (б) изложение новой оригинальной концепции авторов по обоснованию принципа взаимного резервирования оператора и автоматики.

Авторы по-новому рассмотрели причины снижения надежности автоматизированных систем, введя новый особый понятийный аппарат о "структурной" и "функциональной" сложности систем. Содержательный анализ этих понятий дал им возможность более аргументированно, чем это делалось ранее, определить границы допустимости машиноцентрического подхода в зависимости от структурной сложности взаимодействия элементов в автоматизированных системах. Функциональная сложность как основной фактор антропоцентрического подхода определяет принципы взаимодействия технического и человеческого звена в системе управления, т.е. надежность управления всей человекомашиной системы за счет резервирования ее оператором. Однако авторы пошли дальше, разработав новый равнозначный подход к автоматизации, "...в соответствии с которым и разработчики, и операторы должны попеременно осуществлять ведущую роль в управлении" (с. 41). Это положение используется при формулировании принципов распределения функций между автоматом и человеком. Обосновывается новый принцип – взаимного резервирования.

Заслуживает большого внимания некое новое психологическое содержание при описании профессиографии в деятельности оператора автоматизированных систем. В частности, авторы рассматривают проблемность ситуации как основу механизмов психической регуляции. Действительно, в деятельности оператора автоматизированной системы нередко возникает состояние с двумя и более неизвестными. Психологическая тонкость состоит в том, что оператор вначале "на подходе к решению проблемы" должен решить: *что*, или *кто* привел к сбою в системе – автомат или он. Именно опосредованность причины нарушения режима работы технической системы и есть особого рода проблема. Отсюда ее решение, как правило, начинается с проб и, нередко, ошибок. Авторы дают свою классификацию: "проблемный момент", "проблемная ситуация", "проблема".

В монографии оригинально подана структура механизмов психической регуляции в соответствии с классами проблемностей.

В качестве замечания могу высказать только лишь некие эмоциональные суждения. (1) Порой ощущается излишняя пристрастность интерпретации результатов других исследователей в "угоду" своей концепции. (2) Встречается прием противопоставления "чужих" идей своим там, где никакого расхождения нет. (3) Практическая реализация предложенного подхода явно уступает теоретическим рассуждениям.

Но главное состоит в том, что монография Ю.Я. Голикова и А.Н. Костина не столько "библиотечная" книга, сколько настольная – для думающего конструктора и активного инженерного психолога. Эта книга – весомая иллюстрация конструктивности науки психологии, знак возросшей креативности нового поколения инженерных психологов.

Читатель, эта книга наших идей и помыслов: как помочь человеку.

В.А. Пономаренко,
действительный член Российской Академии Образования,
Международной академии человека
в аэрокосмических системах

КНИГА О ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ И ВОСПРИЯТИИ*

Книга автора, достаточно известного философа и методолога, как нельзя кстати. Уже давно идет речь о новой ситуации в психологии, одна из особенностей которой – переориентация на новые дисциплины: современную методологию, культурологию, семиотику, антропологию. Однако требование подобной переориентации до сих пор выглядело достаточно абстрактным, необходим был конкретный пример. Теперь он есть – книга В.М. Розина "Визуальная культура и восприятие" (подзаголовок "Как человек видит и понимает мир").

*Рец. на кн.: В.М. Розин. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. М., Эдиториал. 1996 г.

Автор берет известный психологический феномен визуального восприятия, но рассматривает его по-новому: как область изучения и столкновения разных точек зрения, явление культуры, особый "семиозис" (т.е. иконические и другие знаки), как психическую реальность человека. В плане метода интересен и еще один момент: сочетание исследовательской и социально-инженерной позиций. Розин не только излагает свои результаты изучения видения и других визуальных феноменов – сновидений, галлюцинаций, специальных визуальных эффектов в экспериментах с ношением псевдоскопов и инвертоскопов, но и намечает контуры новой дисциплины – визуалогии, назначение которой – комплексное изучение видения.

Первая глава книги "Визуальное восприятие в современной культуре" несет на себе печать подобного двойного отношения. Рассматривая значение визуальной проблематики в нашем мире (в производстве, сфере искусства и культуры), утверждая, что оно постоянно возрастает, автор одновременно обсуждает задачи дизайна и прикладной психологии, ориентированных на преодоление визуального хаоса и дискомфорта, на выявление в визуальных текстах (произведениях) "невидимых" психических содержаний и переживаний.

Наиболее психологична вторая глава – "Дилеммы видения". Здесь автор обсуждает четыре альтернативных взгляда на визуальное восприятие. *Первый* – видение неизменно и определяется только физиологическими особенностями строения глаза и мозга; видение, которое *эволюционирует*, поскольку обусловлено языком и культурой. *Второй* – видение – это *пассивный процесс отражения* предметного мира, вместе с тем – это *активный деятельностный процесс* его освоения. *Третий* – предыдущий опыт визуального восприятия – это *память о визуальном отражении* видимых предметов, и этот опыт определяется психической организацией человека, не просто отражающего, но *понимающего и переживающего* внешний мир. Наконец, *четвертый* взгляд – осмысление и интерпретация видимого идут вслед за видением, *уточняя и оформляя* его для сознания; осмысление видимого *само может вести за собой визуальное восприятие*, формировать его. Разбирая эти дилеммы, Розин показывает, что наше видение эволюционирует, причем не постепенно, а дискретно – при смене культур, что оно – это особого рода деятельность и реализация личности, что визуальный опыт – сложная организация предыдущей визуальной деятельности, в которой большую роль играют процессы осмысления и интерпретации видимого.

Чтобы объяснить ряд фундаментальных особенностей и феноменов видения (например, его деятельностную природу, роль в нем визуального опыта, видение в сновидениях, природу галлюцинаций, искажение видимого в экспериментах с ношением псевдоскопов и инвертоскопов; эти приборы создают зеркально или перевернутые "вверх ногами" изображения объекта), автор во второй главе излагает также собственную оригинальную психологическую теорию, которую он называет учением о "психических реальностях". В соответствии с ним видение представляет собой процесс реализации (проживания) визуальных событий, относящихся к той или иной психической реальности, причем подобное проживание совершается или при бодрственной жизнедеятельности или в других ее сферах – во сне, при общении, переживании произведений искусств, в процессе воображения или игры. Важную роль в нашем видении играют, как доказывает Розин, с одной стороны, процессы "блокировки", задержки наших визуальных желаний (именно это одно из условий возникновения сновидений и галлюцинаций), с другой – организация (пирамида) психических реальностей, которая задается структурой и динамикой развития личности.

Третья глава "Эволюция художественного видения" представляет большой интерес не только для психологов, но и культурологов и историков искусства. Розин излагает здесь результаты культурно-семиотической реконструкции художественного видения. Судя по всему, это первый опыт подобной реконструкции. При этом автору удается показать, что в каждой культуре (архаической, древних царств, античной, средневековой, ренессанской, Нового времени) по-разному видели и понимали видимое. Данное исследование Розиним визуальной культуры и восприятия вполне может быть рассмотрено как один из первых примеров реализации культурно-исторической концепции Л.С. Выготского. Например, он показывает, что в культурах архаической древних царств (древнеегипетской, шумеро-вавилонской, индийской и др.) и, частично, средневековой – художественное видение на уровне сознания и переживания детерминировалось сакральными структурами, а также особой техникой визуализации – оперированием "видами" и визуальным конструированием изображения на основе своеобразного "визуального конструктора". В античной культуре и культуре Нового времени видение начинает детерминироваться научными знаниями и различными рациональными соображениями; меняется и техника визуализации: на основе

научного мышления в искусстве складываются приемы "художественного моделирования".

Не менее интересными в этой главе являются реконструкции особенностей современных визуальных систем – фото, кино, телевидения, появление которых привело, по мнению автора, к настоящей революции в видении. Заканчивается третья глава кратким эссе, посвященным эволюции художественного видения ребенка и предложением создать новую дисциплину – визуологию.

Удалось ли Розину всесторонне проанализировать видение как психологический и культурно-семиотический феномен? Безусловно, нет. Его генезис художественного видения содержит большие проблемы, о чем, правда, он пишет сам. Недостаточно аргументирован и переход к другим визуальным системам, например, архитектуре и визуализированной одежде. В результате, перенос закономерностей художественного видения на другие визуальные системы не всегда убедителен. Тем не менее, эти вполне объяснимые недостатки (нельзя объять необъятное) не снижают ценности данного исследования, ведь перед нами первое основательное междисциплинарное (психологическое и культурно-историческое) изучение видения. На наш взгляд, автору впервые удалось показать, что видение человека определяется не просто физиологическим аппаратом, но не меньше, если не больше, психической организацией, которая в свою очередь складывается под влиянием культурных факторов.

И.Н. Семенов,
докт. психол. наук, проф. РАГС